

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.80>

Крижановский Николай Игоревич, Онищенко Елена Викторовна

ВОСПРИЯТИЕ В. В. РОЗАНОВЫМ И М. О. МЕНЬШИКОВЫМ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматриваются суждения М. О. Меньшикова и В. В. Розанова о личности и творчестве Н. В. Гоголя; анализируются литературные взгляды двух ведущих публицистов России начала XX века, работавших в газете "Новое время"; выявляются сходство и различие их оценок творческого наследия писателя-классика. Установлено, что общие подходы Розанова и Меньшикова к творчеству Гоголя основаны на концепции К. Леонтьева. Розанов по-своему развивает его мысли, мистифицируя и демонизируя писателя. Меньшиков, частично следуя за Леонтьевым, видит в Гоголе драматически раздвоенную фигуру.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/80.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 382-388. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения: в 6-ти т. / ред. Н. Ф. Бельчиков и др.; Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения. 1832-1841. 388 с.
4. **Лотман Ю. М.** «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 786-814.
5. **Муравьева О. С.** Фантастика в повести Пушкина «Пиковая дама» // Пушкин: исследования и материалы / Академия наук СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. Т. 8. С. 62-69.
6. **Полякова Е.** Реальность и фантастика «Пиковой дамы» // В мире Пушкина: сборник статей. М.: Советский писатель, 1974. С. 374-412.
7. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Изд-е 4-е. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. Т. 3. 497 с.
8. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Изд-е 4-е. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. Т. 5. 529 с.
9. **Пушкин А. С.** Полное собрание сочинений: в 10-ти т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Изд-е 4-е. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978. Т. 6. 577 с.
10. **Скиба В. А.** Мотив слухов в русской художественной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1205323451&archive=1205324210> (дата обращения: 16.12.2018).
11. **Эйдельман Н.** Две тетради (Заметки пушкиниста) // Пути в неземное: писатели рассказывают о науке: сборник. М.: Советский писатель, 1986. Сб. 20. С. 284-316.

ON SPECIAL KINSHIP OF HERMANN AND THE OLD COUNTESS IN PUSHKIN'S SHORT STORY "THE QUEEN OF SPADES"

Konevets Svetlana Nikolaevna, Ph. D. in Philology
Saratov State University
svkonev@yandex.ru

The article presents a different from the traditional interpretation of the fragment of Pushkin's short story "The Queen of Spades" related to the behaviour of the protagonist and the theme of rumours. The work substantiates the idea that it was important for Pushkin to point out the spiritual commonality of the old Countess and Hermann, who inherited "kindred" passions and moral guidelines from her. It has been ascertained that in Pushkin's texts, there are indications of the moral unacceptability of actions and thoughts that a person can be a means of achieving the goals of another person. The author comes to the conclusion that in the fragment under study, the idea of "spiritual kinship" of such people dominates, and the theme of rumours is present only on the surface.

Key words and phrases: Pushkin; theme of rumours; play; moral connection between generations; unbelief; Dostoevsky; "Demons".

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 10.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.80>

В статье рассматриваются суждения М. О. Меньшикова и В. В. Розанова о личности и творчестве Н. В. Гоголя; анализируются литературные взгляды двух ведущих публицистов России начала XX века, работавших в газете «Новое время»; выявляются сходство и различие их оценок творческого наследия писателя-классика. Установлено, что общие подходы Розанова и Меньшикова к творчеству Гоголя основаны на концепции К. Леонтьева. Розанов по-своему развивает его мысли, мистифицируя и демонизируя писателя. Меньшиков, частично следуя за Леонтьевым, видит в Гоголе драматически раздвоенную фигуру.

Ключевые слова и фразы: М. О. Меньшиков; В. В. Розанов; Н. В. Гоголь; К. Н. Леонтьев; демонизация; драма; концепция.

Крижановский Николай Игоревич, к. филол. н., доцент
Армавирский государственный педагогический университет
nicolaykri@mail.ru

Онищенко Елена Викторовна
Армавирский государственный педагогический университет
Краснодарский гуманитарно-технологический колледж
onishenko-ev@mail.ru

ВОСПРИЯТИЕ В. В. РОЗАНОВЫМ И М. О. МЕНЬШИКОВЫМ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявить общность и различие восприятия В. В. Розановым и М. О. Меньшиковым личности и творчества Н. В. Гоголя.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфики восприятия В. В. Розановым и М. О. Меньшиковым личности и творчества Н. В. Гоголя. Цель определила следующие **задачи**: проанализировать корпус текстов названных критиков, связанный с осмыслением личности и творчества Н. В. Гоголя; определить

доминанты восприятия В. В. Розановым и М. О. Меньшиковым личности и творчества Н. В. Гоголя; выявить сходство и различие позиций критиков.

Новизна работы определяется тем, что нами впервые предпринята сравнительно-сопоставительная характеристика концепций осмысления личности и творчества Н. В. Гоголя, реализованная в критике В. В. Розанова и М. О. Меньшикова. Кроме этого, впервые в научный оборот введены статьи М. О. Меньшикова «Гений насмешки» и «Национальная комедия».

Сразу подчеркнем, что на современном этапе развития литературоведения исследование критических концепций В. В. Розанова и М. О. Меньшикова чрезвычайно популярно. Так, к анализу творчества автора «Опавших листьев» и множества статей о русской литературе обращались И. А. Едошина, В. В. Ерофеев, Н. Ю. Казакова, В. Н. Крылов, К. А. Махлак, А. Н. Николокин, Ю. М. Павлов, В. В. Полонский, П. А. Руднев и другие. Критические работы другого нововременца, М. О. Меньшикова, рассматривались Н. И. Крижановским, С. М. Саньковой и А. С. Орловым, Ю. И. Сохряковым, В. Б. Трофимовой и другими учеными.

По мнению А. Н. Николокиной, «у каждого сколько-нибудь значительного критика есть своя концепция литературы» [14, с. 7]. Она может трансформироваться, но основа ее остается неизменной. У Розанова, отмечал А. Н. Николокин, нет системы с твердыми «да» и «нет»: «У него свое, розановское, понимание литературы и жизни, при котором “да” и “нет”, “правое” и “левое” сосуществуют, вернее сказать – “да” не всегда “да”, а “нет” отнюдь необязательно “нет”» [Там же]. При этом то, что сегодня для критика было «да», завтра, не исключено, будет «нет». Тем не менее способность русского художника слова выразить в произведениях традиционные ценности, «не разойтись» с народом для Розанова оставалась главным мерилем творчества отечественных писателей [22, с. 332].

Концепция Меньшикова схожа с розановской, но несколько иная. Она формировалась в 1890-е годы и была заявлена в его статьях в журнале «Книжки “Недели”». В период с 1901 по 1917 годы публицист выступал на страницах газеты «Новое время» как критик-консерватор, монархист и противник революционного, праворадикального и ультралиберального взглядов на мир и литературу. Мысль о том, что искусство и литература в состоянии повлиять на человека, на общественную жизнь в лучшую сторону, – одна из основополагающих в эстетике Меньшикова. Идеал литературы, несколько раз упоминаемый в его статьях, совпадает с цитатой из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Журналист, читатель и писатель», которую критики любили приводить в своих работах: «И мир мечтою благородной / Пред ним очищен и обмыт». Доминирующей в эстетике М. Меньшикова является концепция «совести» [3; 27]: для духовного и нравственного возрождения России необходимо, чтобы в каждом человеке, особенно в писателе, происходила «работа совести», которая нужна для развития России как Отечества и государства, для ее укрепления. Все, что разрушает Россию, Меньшиковым отвергалось.

В. В. Полонский отметил, что В. В. Розанов и М. О. Меньшиков создали оригинальные концепции понимания творчества Н. В. Гоголя в сравнении с мнениями крайне правых и ультралевых авторов [16].

В. В. Розанов в конце XIX – начале XX века много писал о Н. В. Гоголе, значительно развивая мысли Леонтьева. В ранней работе «О понимании» (1886) Н. В. Гоголь назван «всегда больным человеком», у которого «началось распадение духа, который утратил цельность психической жизни, хотя не до той степени, где начинается помешательство и безумство» [24, с. 482]. Для таких писателей, как Гоголь, по мнению Розанова, характерен уход от внешнего мира в мир внутренних переживаний, их мышление и аффективная сфера мало зависят от реальной действительности. Такое состояние, считал критик, являлось причиной исключительного словесного мастерства Гоголя.

Меньшиков, в первую очередь, исходил из того, что писатель должен быть художественным проповедником. Это его заветная мысль. Он и сам стремился быть таковым, утверждая в дневнике за 1892 год: «Я проповедник, и проповедник священнического типа – берущий настроением, а не логикой и аргументами» [Цит. по: 26, с. 17]. Неслучайно фактически последним публицистическим циклом Меньшикова, написанным, но не опубликованным при жизни, становятся «Проповеди отца Михаила». Именно проповедничества как высшей деятельности ожидал Меньшиков и от писателей, в том числе и от Гоголя. Но «реальный», как говорил Меньшиков, а точнее – социально-критический, роман с «отрицательными типами» не мог вместить героические образы: «Для художественной проповеди, для художественного пророчества – высшей миссии писателя – реальный роман – неподходящая форма, и недаром Гоголь сжег свое продолжение “Мертвых душ”, а Толстой остановился на “Анне Карениной”» [12, с. 144].

По мысли критика, многие русские авторы, в том числе и Гоголь, под конец жизни осознавали тщетность своих критических произведений: «Видя, что реальность жизни остается, как и была, печальною, полною боли и мрака, художник поневоле уходит в свой внутренний мир, в царство идеалов, – и только оттуда, из прекрасного далека, он начинает глядеть на жизнь пророчески, с горячею любовью и состраданием к ней. Только этим бегством писателя вглубь себя, из бездушной истины природы в живую совесть ее, и можно объяснить замечательный душевный переворот у Гоголя, у Достоевского, у Толстого под конец жизни» [Там же, с. 145].

Меньшиков говорил о глубоком личном несчастье русского писателя, которое он, как и Розанов, видит в отсутствии цельности личности. Гоголь – «первый отрицатель русской жизни», и в этом заключено «роковое» его страдание. Действительно, «что за радость описывать такую дрянь, как Чичиковы, Ноздревы, Маниловы, Хлестаковы – все эти полумертвые души одичавшего или недоразвившегося в культуре общества?» [10, с. 358].

Оба критика в своих работах сравнивали Гоголя с Пушкиным, искали ответы на волнующие их вопросы в сопоставлении гения отрицания и гения созидания.

К «Легенде о Великом инквизиторе» Розанов прикрепил два этюда («Пушкин и Гоголь» и «Как произошел тип Акакия Акакиевича»), в которых осмыслил особенности творчества Гоголя. В этюде «Пушкин

и Гоголь» критик называл писателя «родоначальником иронического настроения в обществе», считая, что «душевная жизнь исторически развивающегося общества получила в его личности изгиб, после которого пошла непреодолимо по одному уклону...» [21, с. 159]. Публицист искал смысл этого изгиба в отношении Гоголя к Пушкину. Пушкин, по Розанову, являлся антитезой Гоголю, развивавшемуся «только в двух направлениях: напряженной и беспредметной лирики, уходящей ввысь, и иронии, обращенной ко всему, что лежит внизу» [Там же]. Поскольку творения Гоголя не отражали существующую действительность, Пушкин, а не Гоголь, являлся главой «натуральной школы». Розанов говорил, что именно Пушкин был образцом художественного высшего вкуса, его произведения абсолютизированы до уровня стандартов. Подчеркивая безжизненность речи Гоголя, мертвенность ткани его языка («восковой язык» [Там же, с. 162]), критик видел силу гоголевских произведений: «...какая-то мозаика слов, приставляемых одно к другому, которой тайна была известна одному Гоголю» [Там же, с. 163].

Меньшиков уже в ранней статье «О литературе и писателях» противопоставляет цельную личность Пушкина Гоголю. Пушкин показан им как автор, понимавший опасность ограничения в романе «одними отрицательными типами» и сумевший вывести в своем творчестве «несколько изящных, даже героических образов» [8, с. 144]. Автор «Мертвых душ» не сумел в современной ему жизни «найти героического элемента, как находил Пушкин, и, вызывая “видимый смех”, напрасно старался вызвать в читателе “невидимые слезы”: они были невидимы потому, что их и не было в творчестве Гоголя, не могло быть по природе натурализма» [Там же].

По мнению публициста, Пушкин «даже в сатире своей был созидатель» [10, с. 358], Гоголь же предстал внутренне разломленным «демократом», отрицателем и сатириком, хулящим действительность, идейным ее разрушителем. В статье «Драма Гоголя» (1909), оценивая Гоголя, Меньшиков сближался с Розановым, заявлявшим, что писатель «страшным могуществом отрицательного изображения отбил память прошлого, сделал почти невозможным вкус к прошлому – тот вкус, которым был, например, так богат Пушкин» [17, с. 351]; «Громада Гоголя валилась на Русь и задавила Русь» [Там же].

И Розанов, и Меньшиков признавали уникальность и величие Гоголя. Его гениальность и писательский талант они ставили рядом с талантом А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Тем не менее оба публициста предостерегали читателя от полного погружения в гоголевский мир, считая такой шаг гибельным.

Так, Розанов неоднократно указывал, что творческое наследие Гоголя не являлось реалистичным, напротив, свидетельствовало о его удаленности от реальности и жизни, о его фантастичности. Критик отказывал русскому писателю в способности реалистично отображать окружающую его действительность: «Чем выше гений Гоголя и даже чем сильнее его пафос в данную творческую минуту, тем он отыскивает для воплощения самое что ни на есть малейшее, пошлость, уродство, искривление, болезнь, сумасшествие, или сон, похожий на сумасшествие» [Там же, с. 348]. Писатель несправедливо получил от Розанова «звание» «формального гения», чувствительного только к форме, а не к содержанию, к «начинке» [Там же, с. 348-349]. Неспособность прийти к гармонии между формой и содержанием названа Розановым личной трагедией Гоголя.

Особое внимание критик уделяет метафизическому значению зла, отображаемому в художественной действительности русского писателя, где все мертвенно: и человек, и его душа, и город. Это метафизическое зло, воплотившееся в произведениях Гоголя, настолько велико, что оно способно задавить Русь – Россию: «Под разразившейся грозой “Мертвых душ” вся Русь присела, сжежилась, озябла... <...> Чудищами стояли перед нею Гоголевские великаны-миниатюры, великаны по вечности, по мастерству; миниатюры по тому, что все без “начинки” без зрачка, никуда не смотрят, ни о чем не думают...» [Там же, с. 350]; «Вся Русь “потянулась из жил”, чтобы убежать от мертвых червяков Гоголя» [Там же, с. 351]; «Громада гоголя навалилась на Русь и задавила Русь» [Там же]. Итог распространения творений «гения формы» – «голый пустынный» смех Руси, «дикий безыдейный хохот» над всем, что осталось в прошлом, кроме «Герцена, да декабристов» [Там же]. Розановское преувеличение негатива в творчестве писателя и его демонизация проявились, на наш взгляд, увлеченность критика мистическими проблемами, «людьми лунного света».

В этюде «Как произошел тип Акакия Акакиевича» (1894 г.) В. В. Розанов пришел к выводу, что сущность художественной рисовки, творческого метода Гоголя заключалась в выделении одной центральной черты создаваемого образа за счет обесцвечивания черт второстепенных, которые призваны для усиления первой. Гоголь внимательно следил за тем, чтобы среди них «не замешалась хоть одна, дисгармонирующая им или просто с ними не связанная черта» [21, с. 170]. Для критика очевидно, что в основе гоголевского метода лежало сужение действительности, ее упрощение, обеднение, искажение человека, который в его произведениях стал статичным, восковым, бесстрастным [Там же, с. 171].

Меньшиков тоже обращал внимание на негативную сторону писательской деятельности Гоголя: говорил о небывалой силе гения, с помощью которой русский писатель вводит читателя в общество «плохих людей», увековечивает мерзавцев и пошляков [10, с. 364].

Оба публициста рубежа XIX-XX веков считали, что у великого сатирика, ухотившего «в странный мир болезненного воображения» [21, с. 173], основополагающей в творчестве была не борьба с кем-то или с чем-то, а борьба с собой, с духом «сомнения и отрицания», которая в итоге стоила этому человеку жизни.

Розанов называл великого сатирика «изумительнейшим» художником, чей «бесконечный лиризм» есть «только жалость, скорбь» [Там же], неоднократно обращал внимание на несовпадение формы и содержания, неумение изобразить живую человеческую душу со всеми ее страданиями и страстями.

Тем не менее, рассуждая о мертвой материи творчества Гоголя, о её разрушительном начале, именно Розанов выходит на скрытое за всем этим созидательное начало. Так, в «Двух этюдах о Гоголе» (1893)

критик обосновал присутствие этих двух начал и с непосредственной ясностью доказал невозможность существования одного без другого.

Объясняя метания Гоголя, «посланца Божия», «бесноватого», «похожего на ящик Пандоры», болезнью, Розанов в статье «Гоголь» (1902) парадоксально отмечал, что писатель «был болен нравственными заболеваниями от чрезмерности душевных глубин своих» [18, с. 123]. А сравнивая Гоголя с вулканом, огромным, могучим, планетным, критик предполагал, что Гоголь всей своей биографией говорил, что ему не просто трудно, а «темно» [Там же]. Дорисовывая в свойственной только ему манере образ гениального писателя, критик наделял его сверхъестественной способностью предвидеть будущее: «Только такой “ведун” мог написать “Невский проспект”, “Коляску” и около нее “Рим”» [Там же, с. 124].

Критические работы Меньшикова иные. Они больше напоминают теорему, отличаются четкой структурой и большей аргументированностью: каждый выдвигаемый публицистом тезис подтверждается. Так, противоречивость гения Гоголя Меньшиков объяснял его внутренним конфликтом: старый аристократизм, дух величия противостоял демократизму и пошлости.

Статьи Розанова о Гоголе есть послание живому человеку, на которое автор ждет ответа. В одних работах мы видим подробный анализ произведений без перехода на личности (как размышление про Акакия Акакиевича), другие имеют тон саркастический. Такова, на наш взгляд, написанная в 1909 году Розановым статья «Гений формы». Что же имеет в виду Розанов, называя Гоголя «гением формы»?

У Гоголя, произведения которого состоят из мелочей и деталей, по мнению критика, невозможно ничего забыть. Отсюда формула: «Гоголь есть весь солнце в капле воды» [17, с. 347]. Но капля у писателя должна быть непременно заваливающейся в навозе: Гоголя не интересует человек в естественном проявлении чувств, его внимание занимают пошлость, уродство, искривление, болезнь, сумасшествие или сон, похожий на сумасшествие. Именно от «Мертвых душ» и гоголевского смеха «вся Русь присела, съежилась, озябла» [Там же, с. 350].

Меньшиков также уделял особое внимание гоголевскому смеху. Вспоминая прошлое, воспевая патриархальность, критик писал, что в те времена «дрянные люди прятали свою дрянность, и слабые уступали власть – силе», и «все члены тела в строгом повиновении своим функциям, но только такое рабство дает им счастье». Он не отрицал наличия в догоголевском быте смеха, но замечал, что смех этот был «кособый, облагороженный» [10, с. 361].

Гений Гоголя Розанов ставил на одну линию с гением М. Ю. Лермонтова, считая писателей необыкновенными явлениями в истории русской литературы, требующими разгадки. Оба автора, по мнению критика, несут в себе параллелизм жизни «здешней», реальной, действительной и «нездешней», чувственной, несбыточной, что порождает в них отвращение к описанию реальной действительности. Так как основным эстетическим принципом литературного творчества критик считал стремление к преодолению литературы и соединение ее с жизнью, произведения Лермонтова и Гоголя он называет безыдейными, содержательно пустыми. Форма, по его мнению, прекрасна, а содержание ничтожно в силу того, что писателю не удалось изобразить самое главное – живую человеческую душу со всеми ее страстями и страданиями. Потому и возникают у Розанова многочисленные претензии к творчеству Гоголя. Если признать правоту Гоголя, считает Розанов, то окажется, что в жизни человека ничего нет: ни надежд, ни упований, ни достойного труда, ни любви, ни семейных привязанностей – и что вся жизнь сводится исключительно к приобретательству.

В «Загадках Гоголя» (1909) Розанов в который раз пытался проникнуть в тайну Гоголя. Называя писателя человеком «исключительной душевной организации», гением, который «всегда немножко сверхчеловечен», критик утверждает, что гении «умирают или погибают в среднем и молодом возрасте» [19, с. 333]. Отвлекаясь на Пушкина, находя загадку в его лице, критик приходит к выводу, что именно в «красоте и силе пушкинской души» заключается загадка и чудо Пушкина, «Рафаэля речи человеческой». Розанов пытается разгадать тайну Гоголя, обращаясь к его портрету. Начиная с описания мертвого Гоголя, данного Рамазановым, Розанов в этом портрете находит общие черты с гоголевской панночкой из «Вия». По его впечатлениям, они не были похожи на умерших. После чего критик обращается к юношескому портрету Гоголя, который был сделан одним из гимназических товарищей. Портреты эти, по мнению Розанова, идентичны, оба совпадают с действительностью. Критик поражается литературным превращениям русского писателя, диапазону изображаемого: от истории о том, как нос майора Ковалева попал в свежеспеченный хлеб, до «покаянной» «Переписки с друзьями» и «Авторской исповеди». Особое место Розанов отводит «Гарасу Бульбе» и задается вопросом: как такое произведение, проникнутое народным чувством, мог написать «зяблик», который постоянно мерз в России и торопился за границу? К тайнам Гоголя Розанов относит и его болезнь, основание которой критик находит в соединении в человеке двух лиц: лица Гоголя «Переписки с друзьями», друга Толстых, и лица Гоголя, который сведен судорогой испуга и покаяния последних месяцев жизни.

В статье «Драма Гоголя» Меньшиков, как и Розанов, отметил, что Гоголь оклеветал Россию, лишил читателя надежд. Критик отказывает многим героям писателя в поучительности, считая, что они, подобные Чичикову и Хлестакову, только принижают общество, ничему не научая взамен. По его мнению, Гоголь воспел в своих произведениях пустоту и небытие, подтвердил власть «темного» над русской душой: «Гоголь неожиданно для себя стал основателем отрицательной школы. Эта школа действовала наоборот церкви» [10, с. 364]. То есть критик, вслед за Розановым, не видит покаянного мотива создания произведений, воспринимает их в отрыве от христианского замысла писателя.

Мысль о том, что искусство и литература в состоянии повлиять на человека, на его жизнь в лучшую сторону – одна из основополагающих в эстетике Меньшикова. Он, в отличие от Розанова, был более последователен

в своих статьях. Критик осмыслил Гоголя трагически разломленной личностью: «...с одной стороны, по некоторым, наиболее глубоким свойствам своей природы, это был благороднейший аристократ: человек пламенной веры и пламенного героизма, с другой – это был невольный плебей, внимание которого было приковано к смешному, пошлому, карикатурному» [Там же, с. 361]. Размышления о «драме» Гоголя Меньшиков заканчивает искренним сожалением о ранней кончине Гоголя, великого автора «Гараса Бульбы», доказавшего, «что его гения хватило бы и на великие, действительно живые души, общение с которыми животворит» [Там же, с. 364].

Критик «Нового времени» продолжил осмысливать своеобразие писателя в статье «Он – не ваш» и с искренним недоумением говорил о стремлении либералов на открытии памятника Гоголю в Москве «приватизировать» его наследие.

Называя Гоголя «черносотенцем» и «крайне правым», Меньшиков сразу разграничил свои политические взгляды и взгляды сатирика: «Мне лично это жаль, – пишет он о “черносотенстве” Гоголя, – так как я не разделяю ни системы мысли, ни темперамента, ни характера черносотенной партии» [13, с. 127] – и призывает брать Гоголя, каким он был и каким исповедовал себя. Меньшиков выступил против восприятия Гоголя только обличителем и автором «чудовищных типов», поскольку сам писатель при жизни воспротивился этому [Там же]. В работе «Он – не ваш» Гоголь становится орудием, с помощью которого публицист «побивает» своих бездарных политических и литературных оппонентов, проявляя патриотизм, веру в Бога, монархизм, черносотенство писателя, а также напоминая, что он «до обожания любил великорусский талант и характер, который столь блистательно выразился в Пушкине», а Россию любил до «пророческого экстаза» [Там же, с. 130].

Меньшиков крайне критично относился к сатире, иронии как способу изображения действительности. Размышляя над «Дон-Кихотом» в статье «Гений насмешки» (1915), он писал: «...осмеяние рыцарства... было первым актом всеевропейской революции, длящейся триста лет и далеко не законченной» [9, с. 252]. Сервантес назван Меньшиковым предтечей революционеров, произведение которого дало масштабные последствия, воздействуя на массы насмешкой над рыцарством: «Сервантес бессознательно подготовил Вольтера и Руссо, поколение скептиков, рационалистов, реалистов, продолживших осмеяние героизма рыцарского на все святыни и авторитеты» [Там же]; «Возможно, что не будь “Дон-Кихота” вовсе, или явись иной роман, поэтизирующий рыцарство, продержись волшебное очарование культурой чести еще одно-два столетия, Европа была бы иная. Не было бы зверской великой революции на пороге XIX века и не было бы архизверской великой войны на пороге XX века» [Там же]; «В конце концов мы дожили до осмеяния добродетели и чести как явлений слишком аристократических, нежизненных» [Там же]. Таким образом, в статье опять прозвучала ставшая традиционной для Меньшикова мысль: аристократизм, душевное благородство погублены низменным демократическим началом осмеяния и сатиры. Наиболее вероятная причина этого, названная публицистом, – бессознательная измена писателей «цивилизации, которую гениальные люди совершали, направляя свое творчество на соблазнительные для масс пути» [Там же, с. 235].

В ноябре 1915 года в статье «Национальная комедия», посвященной пятисотому представлению «Ревизора» в Александринском театре, Меньшиков подвел черту под размышлениями о Гоголе и о его сатирическом методе. Публицист выбрал необычную форму повествования – исповедальный монолог от лица тени Гоголя перед «общественностью» – тысячами теней слетевшихся великих писателей, критиков и актеров, чествующих сценический юбилей. Тень Гоголя свидетельствовала о драматизме своей короткой жизни, которая была не до конца осознанной «постоянно растущим восстанием против демона смеха» [11, с. 637].

В уста Гоголя Меньшиков вкладывает признание, что комедия «Ревизор» опорочила «народное представление о себе», а сам автор, собравший «в кучу все дурное в России» и изобразивший его «с гениальной яркостью», послужил «всему дурному», придал ему бессмертия и оклеветал Россию [Там же].

Творческая задача Гоголя (собрать все дурное и посмеяться над ним) названа Меньшиковым ложной. Для подтверждения своей мысли публицист прибегает к двум аргументам. Первый – излюбленный прием сопоставления общественного факта с природным явлением: судить о России по всему плохому все равно, что судить о природе, «если бы отобрать только ядовитых гадов» [Там же]. Второй – недейственность сатиры Гоголя, ведь многие поколения русских людей изучали комедию «Ревизор» в школе, но к искоренению пороков в обществе это не привело: «Что моя пьеса не уничтожила взяточничества в век императора Николая I, – доказывать излишне. Не уничтожила она то же зло и в последующие царствования» [Там же, с. 638].

Признание глубокой фальши «Ревизора» и «Мертвых душ» соседствует в статье с раскаянием их автора в написанном и осознанием неверности выбранного писательского пути. Ведь каждому народу необходимо наличие священных книг. Настоящим заветом, в котором нуждается русское племя, должно явиться, по мысли Меньшикова, произведение, в котором будет собрано «все хорошее в русской жизни» и показано так, чтобы оно было способно «умилить читателя, растрогать, благородно взволновать и заставить полюбить невидимый дух племени с его показанными воочию могуществом и красотой» [Там же, с. 640]. Тень Гоголя осознает, «до чего оскорбительна эта комедия, если сколько-нибудь обобщить ее на Россию», ведь «по “Ревизору” судят о России» [Там же].

В статье с новой силой звучит идея противопоставления Пушкина и Гоголя, которая реализуется в разных представлениях писателей о своей творческой задаче. Пушкин, в отличие от своего литературного собрата, стремился в своих творениях «собрать в кучу все хорошее в русской жизни, чтобы умирить читателя, растрогать, благородно взволновать и заставить полюбить невидимый дух племени с его показанными воочию могуществом и красотой» [Там же]. Отсутствие в русской литературе воплощения высокого идеала Меньшиков связывает с ранней смертью Пушкина и Лермонтова, а также с влиянием низового «демократизма» эпохи, который возобладали в искусстве в виде соблазна «не идеальной, а жизненной правды» [Там же].

В итоге тень Гоголя приходит к выводам: комедия «Ревизор» – это нечто очень похожее «на обвинительный акт в мелком мошенничестве и воровстве», а сами поздравления и приветствия автору «национальной комедии» – неуместны [Там же, с. 641].

Последние записи Меньшикова о Гоголе в дневнике 1918 года свидетельствуют, что публицист, переживая развал станы и немецкие успехи на фронте, вторжение армий стран Антанты и Японии в порты России, считал писателя сатириком-пророком, увидевшим вместе с другими великими представителями литературы историческую несостоятельность русского народа: «Почитайте нашу литературу от Гоголя до Чехова. Вы увидите, что банкротство племени признавалось всеми добросовестными бытоописателями России» [26, с. 36].

А через несколько месяцев, когда диктатура пролетариата полностью ограничила свободу мысли и печати, Меньшиков отметил, что Гоголь-сатирик сумел прозреть вечный национальный тип властного, тупого и жестокого Держиморды: «Старое правительство Гоголь вывел в облике Держиморды. Целых три царствования пытались смягчить этот национальный тип власти. Грянула революция и Держиморда воскрес из мертвых во всей свежести своего бессмертия» [Там же, с. 168] Таким образом, Меньшиков незадолго о смерти воспринимал Гоголя как свидетеля бездарности и жестокости русского племени, провидца национальных катастроф.

Итак, в статьях 1880-1900-х (до 1910) годов Розанов показывает Гоголя не до безумия, но большим человеком, творческое наследие которого не отражает действительность. Изображаемые им «крошечные восковые фигуры» стоят неподвижно, статично, не растут и не развиваются. В то же время Розанов уверенно утверждает, что Гоголь – литературный гений, но не обычный: «Гоголь представляет, может быть, единственный по исключительности в истории пример формального гения, т.е. устремленного единственно на форму, способного единственно к форме, чуткого единственно к форме, в ней одной, до известной степени, всеведущего и всемогущего. И – без всякой чуткости, без всякой мощи, без всякого ведения о содержании, о мысли, о “начинке”» [17, с. 348-349]. Розанов, наделяя Гоголя сверхъестественной силой – «колдун», «ведун», – одним из первых высказал мысль, что основополагающим в творчестве писателя была борьба с самим собой. Необыкновенная мощь таланта писателя сыграла в истории России роковую роль: страна была придавлена произведениями Гоголя.

Меньшиков выдвинул несколько иной тезис, характеризовавший душу русского писателя: Гоголь – глубоко несчастная личность, драма которой заключается в противостоянии внутреннего благородства и аристократизма демократизму и пошлости. Как и Розанов, Меньшиков считает, что писатель исказил русскую действительность и оклеветал ее в своих сатирических произведениях. Меньшиков отрицает сам принцип обращения к сатире для того, чтобы искоренить пороки. Но влияние Гоголя, по его мнению, не было фатальным для России. Гоголь, в понимании критика, не исполнил во всей полноте проповедническую роль писателя, был злым гением России.

Оба публициста высоко оценивают талант Гоголя. Розанов видит в нем только гения формы. Меньшиков считает, что автор «Тараса Бульбы» во многом был преемником традиций русской классической литературы, но во всей полноте таланта реализоваться этому помешала ранняя смерть Гоголя.

Несомненно, существует генетическая связь эстетических концепций В. В. Розанова и М. О. Меньшикова с критическими оценками Гоголя К. Н. Леонтьевым. Этот консервативный критик – предшественник и своего рода наставник В. В. Розанова и в некоторой степени М. О. Меньшикова – отмечал, что «Гоголь какой-то гениальный урод, который сам слишком поздно понял весь вред, приносимый его могучим комическим даром» [6, с. 150].

По мнению Леонтьева, Гоголь наложил на действительность «свою великую, тяжелую и отчасти все-таки “хамоватую” лапу» [Там же, с. 154] настолько сильно, что немногие художники смогли отказаться от критического взгляда на действительность. Критик утверждает, что «больше всех от гоголевского одностороннего принижения жизни освободился» [Там же, с. 156] Л. Н. Толстой, хотя и он испытал на себе влияние «гоголевщины» [Там же, с. 162].

Говоря образно, Розанов не смог освободиться от «тяжелой лапы» авторитетного мнения К. Н. Леонтьева, остался зависим от него. Меньшикову удалось быть более самостоятельным и показать фигуру писателя в ее трагическом разломе с великой верой в Бога и душевными противоречиями.

Позиция Меньшикова отчасти соотносится со сказанным о Гоголе К. Н. Леонтьевым, а вслед за ним – и Розановым, но все же она близка и к характеристике Гоголя, данной Ю. Н. Говорухой-Отроком: «Вся его жизнь была великим покаянным подвигом, ибо он понимал, что только покаявшийся может призывать к покаянию. А он именно это и хотел сделать. Он хотел призвать русский народ к покаянию и к возрождению, но пал на половине пути, сломленный непосильным поднятым им на себя бременем – сломленный, но не побежденный... Вот почему Гоголь представляет собою один из трагичнейших русских характеров, вот почему он является как бы прообразом будущей – кающейся и возрождающейся – России...» [1, с. 211].

Отметим еще один важный аспект восприятия творчества Гоголя критиками: и Розанов, и Меньшиков, оценивая деятельность писателя, не учитывают великую силу критического слова В. Г. Белинского и его последователей, сильно повлиявших на восприятие автора «Ревизора», «Шинели» и «Мертвых душ». Революционно-демократическая критика поставила Гоголя на вершину «натуральной», обличительной школы, развила целое течение в литературе, представители которого как бы вслед за «Шинелью» посвящали свое творчество отображению пороков самодержавно-крепостнического строя, но совершенно сознательно упускали из виду религиозно-духовный подтекст произведений писателя, как будто его вовсе и не было.

Список источников

1. **Говоруха-Отрок Ю. Н.** Не бойся быть православным, или Русско-православная идея / сост. А. Д. Каплина; предисл., прим. А. Д. Каплина и О. А. Гончаровой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2015. 768 с.
2. **Едошина И.** Русская литература в восприятии В. В. Розанова: историко-культурный аспект // Энтелехия. 2011. № 23.
3. **Крижановский Н. И.** Проблемы права, законности и правосудия в публикациях М. О. Меньшикова в газете «Неделя» с 1891 по 1900 годы // Знак. 2018. № 4 (30). С. 93-103.
4. **Крылов В. Н. В. В.** Розанов в 1880-е годы (становление метода и стиля критики) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2006. Т. 148. Кн. 3. С. 6-7. С. 240-246.
5. **Леонтьев К. Н.** Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12-ти т. СПб.: Наука, 2014. Т. 9. С. 240-367.
6. **Леонтьев К. Н.** Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Л. Н. Толстой: pro et contra: личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 2000. С. 149-162.
7. **Махлак К.** Гоголь и Розанов. Или как поссорились и помирились Василий Васильевич и Николай Васильевич // Начало. Журнал Института богословия и философии. 2009. № 20. С. 131-137.
8. **Меньшиков М. О.** Великорусская идея: в 2-х т. / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. 720 с.
9. **Меньшиков М. О.** Гений насмешки // Меньшиков М. О. Письма к ближним. 1915. П., 1916. С. 248-253.
10. **Меньшиков М. О.** Драма Гоголя // Меньшиков М. О. Выше свободы. Статьи о России. М.: Современник, 1998. С. 358-364.
11. **Меньшиков М. О.** Национальная комедия // Меньшиков М. О. Письма к ближним. 1915. П., 1916. С. 636-641.
12. **Меньшиков М. О.** О литературе и писателях // Меньшиков М. О. Великорусская идея: в 2-х т. / сост., предисл., коммент. В. Б. Трофимовой; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. Т. II. С. 133-146.
13. **Меньшиков М. О.** Письма к русской нации / сост., вступ. ст. и прим. М. Б. Смолина. Изд-е 3-е. М.: Изд-во Журнала «Москва», 2002. 560 с.
14. **Николюкин А. Н.** Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. 511 с.
15. **Павлов Ю. М.** Критика XX-XXI веков: литературные портреты, статьи, рецензии. М.: Литературная Россия, 2010. 304 с.
16. **Полонский В. В.** Взгляд на столетие сто лет спустя, или Гоголь в 1909 году: вековой юбилей писателя по материалам русских газет [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/po9-pr.html>. (дата обращения: 10.01.2019).
17. **Розанов В. В.** Гений формы // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 345-352.
18. **Розанов В. В.** Гоголь // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 119-125.
19. **Розанов В. В.** Загадки Гоголя // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 333-345.
20. **Розанов В. В.** Магические страницы у Гоголя // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 383-421.
21. **Розанов В. В.** О Гоголе (приложение двух этюдов) // Розанов В. В. Мысли о литературе / вступ. ст., сост., коммент. А. Николюкина. М.: Современник, 1989. С. 158-176.
22. **Розанов В. В.** Попы, жандармы и Блок // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 330-333.
23. **Розанов В. В.** Русь и Гоголь // Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 352-354.
24. **Розанов В. В.** Сочинения. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Танаис, 1995. 808 с.
25. **Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.:** альманах. М.: Студия «ТРИТЭ»; Российский архив, 1993. Вып. IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. 271 с.
26. **Санькова С. М., Орлов А. С.** Михаил Меньшиков. СПб.: Наука, 2017. 252 с.
27. **Трофимова В. Б.** Категория «совесть» в литературной критике и философской эссеистике М. О. Меньшикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2015. № 4. С. 141-152.

**PERCEPTION OF N. V. GOGOL'S PERSONALITY AND CREATIVITY
BY V. V. ROSANOV AND M. O. MENSHIKOV**

Krizhanovskii Nikolai Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Armavir State Pedagogical University
nicolaykri@mail.ru

Onishchenko Elena Viktorovna
Armavir State Pedagogical University
Krasnodar College of Humanities and Technology
onishchenko-ev@mail.ru

The article discusses the judgments of M. O. Menshikov and V. V. Rozanov about the personality and creativity of N. V. Gogol. The literary views of the two leading publicists of Russia of the beginning of the XX century, who worked in the newspaper 'Novoye Vremya', are analysed. Similarities and differences in their assessments of the classic writer's creative heritage are revealed. The authors ascertain that the general approaches of Rozanov and Menshikov to Gogol's works are based on K. Leontiev's conception. Rozanov develops Leontiev's thoughts in his own way, mystifying and demonizing the writer. Menshikov, partially following Leontiev, sees a dramatically split figure in Gogol.

Key words and phrases: M. O. Menshikov; V. V. Rozanov; N. V. Gogol; K. N. Leontiev; demonization; drama; conception.